

УДК 159.923

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ И САМОАКТИВАЦИЯ МОЛОДЕЖИ РОССИИ И БЕЛАРУСИ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ

М.А. Одинцова^а, Н.П. Радчикова^{а, б}, Н.В. Козырева^с

^а *Московский государственный психолого-педагогический университет, 125993, Россия, Москва, ул. Сретенка, 29*

^б *Московский педагогический государственный университет, 119991, Россия, Москва, ул. М. Пироговская, д. 1., стр. 1*

^с *Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, 220050, Республика Беларусь, Минск, ул. Советская, 18*

Приводятся данные исследования жизнестойкости и самоактивации молодежи от 17 до 26 лет из Беларуси и России (206 человек: 104 из Минска (64% женского пола) и 102 из Москвы (56% женского пола)). Показано, что транзитивность современности становится не только внешней, но и внутренней, психологической проблемой. Проанализированы сходства и различия в степени проявления личностных ресурсов молодых белорусов и россиян.

Ключевые слова: транзитивность; жизнестойкость; самоактивация; молодежь; белорусы, россияне.

Введение

В отечественной психологии в соответствии с культурно-исторической концепцией Л.С. Выготского социальная среда рассматривается как источник развития личности: «производственная и культурная среда мало-помалу изменяют и самого человека, и человек, как мы его знаем, является камнем, многократно обточенным и переделанным под влиянием производственной и культурной среды» [1. С. 156]. Одновременно с этим считается, что социальная среда с присущей ей культурой трансформируют структуру психологических процессов человека и «вырабатывают в нем определенные приемы пользования своими собственными возможностями», своим «натуральным богатством» [Там же. С. 220]. Однако проверить, насколько «натуральное богатство» и умения его использовать динамичны и подвержены влиянию среды, довольно непросто, так как обычно изменения в обществе происходят в рамках определенной культуры, и бывает трудно развести влияние культуры как долговременного и стабильного образования и социо-экономической и политической ситуации, которая может меняться довольно быстро.

Именно поэтому особый интерес представляет исследование молодежи двух соседних стран: России и Беларуси, которые до 1990 г. входили в состав

СССР, т.е. были соединены единым советским прошлым. Однако в 1991 г., после окончательного распада великой державы, государства приобрели самостоятельность и возможность выбора своего исторического пути, а молодые поколения выросли в совершенно разных социально-политических, экономических и культурных реалиях. Схожую ситуацию перемен, связанных с разрушением старого уклада жизни, сто лет назад описывал и Л.С. Выготский в своей работе «*Avodim hoinu*» («Рабами были мы»): «Еще вчера все было понятно и ясно: мы так сжились со всем вчерашним днем. У нас выработалась и укоренилась своя философия рабства, и вчера еще единой добродетелью была “готовность взойти на костер”». Связанному в конце концов все ясно: ему не надо мучительно вопрошать: что делать?» [2. С. 119]. Независимость и свобода, к чему мы все так стремились, ставят и сегодня перед нами все тот же вопрос: «Что делать?» Быстрая изменчивость, растущая и расширяющаяся неопределенность, динамичность, множественность, ценностная неоднородность и многозначность – это те характеристики современной эпохи, которые подмечают многие исследователи [3–5]. Данные характеристики получили достаточно точное определение в науке: «транзитивность», которая становится уже не столько внешней проблемой, сколько внутренней, психологической.

От того, насколько развиты умения использовать свое «натуральное богатство», которым являются и личностные ресурсы, зависит успешность преодоления трудных ситуаций, связанных с транзитивностью. С одной стороны, неожиданная и внезапно обретенная свобода и возможность распоряжаться собой приводят к торможению активности, что можно объяснить, как отмечал Л.С. Выготский, тем, что «еще не создавалась свободная походка, еще нет свободных слов, еще не пережить сознанием совершившийся переворот, еще старая душа в старом теле живет...» [2. С. 119], но с другой стороны – душа «радуется, трепещет и встречает новый день» [Там же]. Ситуация транзитивности воспринимается в этом случае как вызов, что, в свою очередь, стимулирует активность, создает условия для увеличения жизненной энергии, проявления гибкости, развития жизнестойкости. Оптимистично глядя в будущее, молодой двадцатилетний Л.С. Выготский, так же как и мы, встретившись с глобальными историческими переменами, прогнозировал: «...в значительной мере все же роковое безволие может быть преодолено в близкие дни: чаяния близки к осуществлению» [Там же. С. 121]. Любые попытки остановить изменения, удержаться в старом устойчивом мире создают лишь иллюзию стабильности, а на самом деле медленно подтачивают наши ресурсы, что в некоторой степени продемонстрировало проведенное нами исследование жизнестойкости и самоактивации молодых белорусов и россиян.

Исследования проблематики личностных ресурсов наиболее близких по духу народов – россиян и белорусов – крайне немногочисленны и сосредоточены на этнических группах в целом, без учета новых культурно-исторических условий. Так, изучались преодолевающие стратегии поведе-

ния, объективные и субъективные факторы виктимизации, жизнестойкости белорусов и россиян [6], проводился анализ национального характера и менталитета двух народов [7–10], удовлетворенности жизнью, социального самочувствия и благополучия [11, 12], культурно-ценностных ориентаций [13], анализировались универсальные и культурно-специфические особенности, просоциальные установки белорусов, проживающих на территории приграничья [14], изучались характеристики измерений культуры белорусского и российского общества [15, 16].

В единичных исследованиях белорусов и россиян, выросших в условиях транзитивности, отмечается существенная трансформация ценностей белорусского и российского студенчества [17], демонстрируются различия в иерархии ценностных структур, проявлениях просоциальных установок у молодых студентов приграничья [18]. По-разному выстраивается структура мотивации белорусской и российской молодежи [19], обнаружены разные факторы благополучия российских и белорусских студентов [12]. Установлены различия в социальных представлениях русской и белорусской молодежи о мужских ролях, которые обусловлены влиянием психологических измерений культуры [15]. Показано, что российских и белорусских студентов объединяет общий уровень жизнестойкости, однако они отличаются содержательной наполненностью данного ресурса: более высокой убежденностью российских студентов в том, что, несмотря на недостаток гарантий успеха, преодоление все же необходимо, оно позволяет изменить ситуацию [10].

Как видим, несмотря на ряд работ, наблюдается недостаток исследований личностных ресурсов белорусской и российской молодежи, родившейся и выросшей в новом транзитивном обществе. К тому же в некоторых исследованиях отмечается инфантильность и неспособность нового поколения белорусов к преодолению трудностей [20]. Укоренилось представление о белорусской молодежи как о недостаточно активной, неуверенной в своих возможностях влиять на экономические, политические, социально-культурные события в стране [12]. Относительно молодежи постсоветской России также высказываются довольно пессимистичные мнения. Считается, что новое поколение россиян является носителем социальных травм, а потому у него ослаблена мотивация достижения, развиты нигилизм и скептицизм, не сформирована воля к преодолению трудностей [21, 22]. Все это социологические замеры, сориентированные на проблемную составляющую, которые лишь частично могут выступать источниками обобщений.

Попробуем изменить вектор исследований, разобраться в психологических составляющих личностных ресурсов молодежи Беларуси и России и соотнести полученные нами результаты с некоторыми данными, обозначенными в научных работах, так или иначе касающихся данной тематики. Возможно, это позволит обнаружить скрытый потенциал активности, самостоятельности, жизнестойкости и расширить представление о молодежи нового исторического периода развития.

Материалы и методы

В исследовании участвовали молодые студенты гуманитарных специальностей ($N = 206$) двух столиц: 104 из Минска (67 девушек и 37 юношей) и 102 (57 девушек и 45 юношей) – из Москвы. Возраст участников колебался от 17 до 26 лет. Именно данный возрастной диапазон соответствует внешним условиям автономного развития двух стран – России и Беларуси (период с 1991 года) – и считается сензитивным для формирования макросоциальной идентичности в современных условиях. Исследование проводилось в 2018 г. Средний возраст респондентов российской выборки составил 21,9 лет (медиана = 21 год, среднеквадратичное отклонение = 3,2). Средний возраст респондентов белорусской выборки составил 21,4 года (медиана = 20 лет, среднеквадратичное отклонение = 2,6). Не обнаружено возрастных различий между представителями женской ($t(122) = 1,8$; $p = \text{н.з.}$) и мужской ($t(80) = 0,2$; $p = \text{н.з.}$) выборок. Группы респондентов также не различались по полу ($\chi^2 = 1,6$; $p = \text{н.з.}$) и возрасту ($t(204) = 1,3$; $p = \text{н.з.}$).

Методики исследования. При выборе методик мы руководствовались тем, что ситуация транзитивности для большинства людей, особенно для молодежи, является сложной жизненной ситуацией, которая требует активизации всех личностных ресурсов. Для измерения таких ресурсов были использованы: опросник личностного динамизма [23], который дает возможность определить готовность человека к изменениям; шкала самоконтроля [24], позволяющая выяснить уровень личностно-мотивационных ресурсов по регулированию импульсивных желаний; тест жизнестойкости [25], который кроме общего уровня жизнестойкости, позволяет измерить вовлеченность, контроль и принятие риска; методика самоактивации, адаптированная для белорусской [26] и российской [27] выборок, которая измеряет самостоятельность, физическую и психологическую активность.

Процедура. Все методики предъявлялись участникам исследования либо индивидуально, либо в небольших группах (5–17 участников). В инструкции респондентов просили отвечать на вопросы как можно более объективно. Исследование было полностью анонимным и длилось не более 25 минут.

Результаты исследования

Сравнение выраженности личностных ресурсов молодежи Беларуси и России

Так как в исследовании использовалась двухфакторная экспериментальная схема (сравнивались степени проявления личностных ресурсов у юношей и девушек из разных стран – России и Беларуси), то для статистического анализа результатов применялся двухфакторный дисперсионный анализ (2-way ANOVA). Описательная статистика по разным группам и результаты анализа представлены в табл. 1. Оказалось, что для всех изучаемых личностных ресурсов нет статистически значимых взаимодействий между факторами; не получено также существенных различий по полу ре-

спондентов (см. табл. 1). Статистически значимые различия обнаружены только при сравнении стран проживания: у российской молодежи самоактивация, жизнестойкость и самоконтроль выражены в большей степени, чем у белорусской. По личностному динамизму различия едва достигли статистической значимости ($p = 0,04$), что позволяет говорить о тенденции к большей выраженности у россиян и такого ресурса, как личностный динамизм.

Таблица 1

Выраженность личностных ресурсов молодежи России и Беларуси в зависимости от страны проживания и пола респондентов

Личностный ресурс	Среднее значение $\pm$ средне- квадратичное отклонение		Статистические эффекты df = 1, 202		
	Россия (N = 102)	Беларусь (N = 104)	Страна	Пол	Страна $\times$ Пол
Самоактивация (общий балл)	48,5 $\pm$ 0,8	45,2 $\pm$ 0,9	F = 5,7 p = 0,018	F = 0,8 p = н.з.	F = 0,6 p = н.з.
Жизнестойкость (общий балл)	46,6 $\pm$ 1,1	40,7 $\pm$ 1,2	F = 13,2 p < 0,001	F = 0,3 p = н.з.	F = 0,1 p = н.з.
Самоконтроль	38,8 $\pm$ 0,8	33,8 $\pm$ 0,6	F = 23,0 p < 0,001	F = 0,1 p = н.з.	F = 0,2 p = н.з.
Личностный динамизм	33,5 $\pm$ 0,7	31,8 $\pm$ 0,5	F = 4,1 p = 0,044	F = 2,0 p = н.з.	F = 0,1 p = н.з.

Для более детального изучения структуры сложных личностных ресурсов (самоактивация, жизнестойкость) применялся трехфакторный дисперсионный анализ с последующим апостериорным критерием Дункана, в котором третьим фактором являлась шкала методики.

Результаты сравнительного анализа юношей и девушек из разных стран (Россия и Беларусь) по всем шкалам методики самоактивации показали, что существует статистически значимое взаимодействие второго порядка ($F(2, 404) = 5,7$; $p = 0,004$), следовательно, разные шкалы выражены по-разному у юношей и девушек Беларуси и России. Анализ средних значений (рис. 1) и результаты апостериорных сравнений позволяют утверждать, что у белорусских участников исследования формируется иерархия из компонентов самоактивации: самые высокие значения получены по самостоятельности, существенно ниже психологическая ($p = 0,037$) и физическая активация ($p < 0,001$). У белорусских юношей шкалы самостоятельности и физической активации значимы в равной степени ($p = \text{н.з.}$), а шкала психологической активации существенно ниже самостоятельности ($p < 0,001$) и физической активации ($p < 0,001$). У российских девушек все характеристики самоактивации одинаково значимы. У российских юношей наибольшую выраженность приобретает шкала самостоятельности: показатели по которой превосходят значения по физической ($p = 0,001$) и психологической ($p = 0,001$) активации.

У белорусских девушек значения по психологической активации существенно ниже, чем у российских ($p = 0,004$), и у белорусских юношей просле-

живается та же тенденция ($p = 0,012$). Возможно, именно различия в уровне проявления психологической активации у белорусов и россиян сказались на различиях в итоговых значениях самоактивации двух выборок.

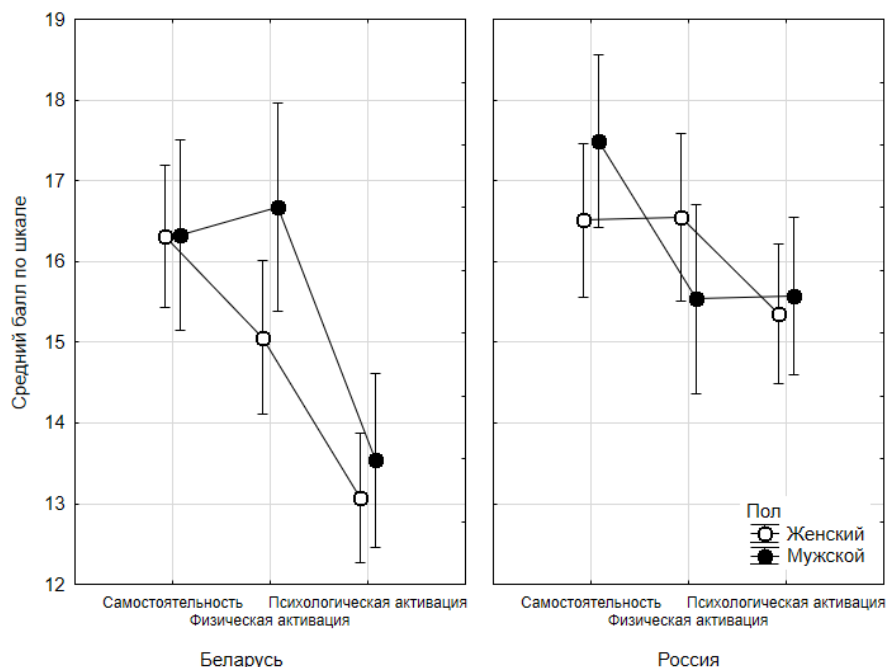

Рис. 1. Средние значения по всем шкалам методики самоактивации (Самостоятельность, Психологическая активация, Физическая активация) для юношей и девушек разных стран (Беларусь и Россия). Вертикальные отрезки обозначают 95%-ный доверительный интервал)

Перейдем к анализу результатов по тесту жизнестойкости. Так как шкалы методики жизнестойкости неодинаковы по числу входящих в них пунктов, для проведения расчетов дисперсионного анализа данные были дополнительно нормированы (приведены к виду: среднее = 0, стандартное отклонение = 1). Дисперсионный анализ применялся дважды: и для сырых, и для нормированных данных. Результаты анализа качественно совпали во всех случаях, кроме главного эффекта переменной «шкала методики», поэтому далее приводятся результаты дисперсионного анализа для нормированных шкал. Результаты показали, что взаимодействие второго порядка статистически незначимо ($F(2, 404) = 0,2$; $p = \text{н.з.}$), а из взаимодействий первого порядка статистически значимо взаимодействие между факторами «Страна» и «Шкала методики» ($F(2, 404) = 31,6$; $p < 0,001$), следовательно, разные шкалы выражены по-разному у россиян и белорусов. Результаты измерений (сырые данные) приведены на рис. 2, а. Апостериорный критерий показал, что по шкале вовлеченности различий нет ($p = \text{н.з.}$), а по шкалам контроля и принятия риска прослеживаются значимые различия ($p < 0,001$

и $p = 0,028$ соответственно). Явно выраженные показатели по шкалам контроля и принятия риска у россиян дают в итоге более высокий уровень жизнестойкости. Анализ нормированных данных (рис. 2, б) показывает, что наибольшие различия между российской и белорусской молодежью наблюдаются по шкале контроля. Причем если у россиян шкала контроля выражена в большей степени, чем вовлеченность ($p < 0,001$) и принятие риска ($p < 0,001$), то у белорусов, наоборот, шкала контроля отличается самыми низкими значениями в отличие от вовлеченности ($p < 0,001$) и принятия риска ($p < 0,001$).

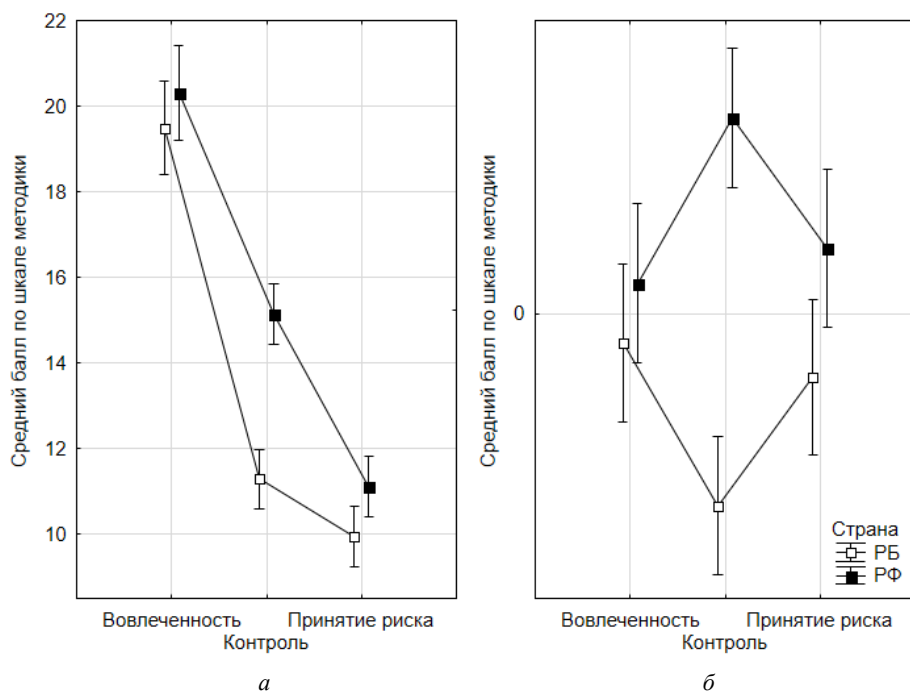

Рис. 2. Средние значения по шкалам теста жизнестойкости (Вовлеченность, Контроль, Принятие риска): а – по сырым баллам методики, б – по нормированным баллам методики для юношей и девушек разных стран (РБ – Беларусь и РФ – Россия). Вертикальные отрезки обозначают 95%-ный доверительный интервал

Таким образом, результаты исследования демонстрируют, что российские юноши более самостоятельны, чем российские девушки, однако их объединяет общий уровень физической и психологической активации. Белорусы отличаются от россиян более низким уровнем психологической активации, контроля и принятия риска, но объединяющим компонентом жизнестойкости молодежи двух стран является вовлеченность. Шкала контроля по методике жизнестойкости оказалась самой дифференцирующей: у белорусов данный показатель имеет наименьшие значения из всех трех шкал методики, а у россиян, наоборот, наибольшие (см. рис. 2, б).

Структуры личностных ресурсов белорусской и российской молодежи

Для решения задачи о том, каким образом различаются молодые респонденты из Беларуси и России по всем личностным ресурсам сразу, был применен кластерный анализ (метод k -средних), для которого использованы все шкалы методик в качестве переменных. Так как шкалы имели разные диапазоны, все данные были нормированы, т.е. приведены к такому виду, при котором среднее равно нулю, а среднеквадратичное отклонение равно единице. Результаты кластерного анализа говорят о том, что можно выделить три группы респондентов: молодые люди с высокой степенью выраженности личностных ресурсов вошли в кластер 1, со средней – в кластер 3 и с низкой – в кластер 2 (рис. 3).

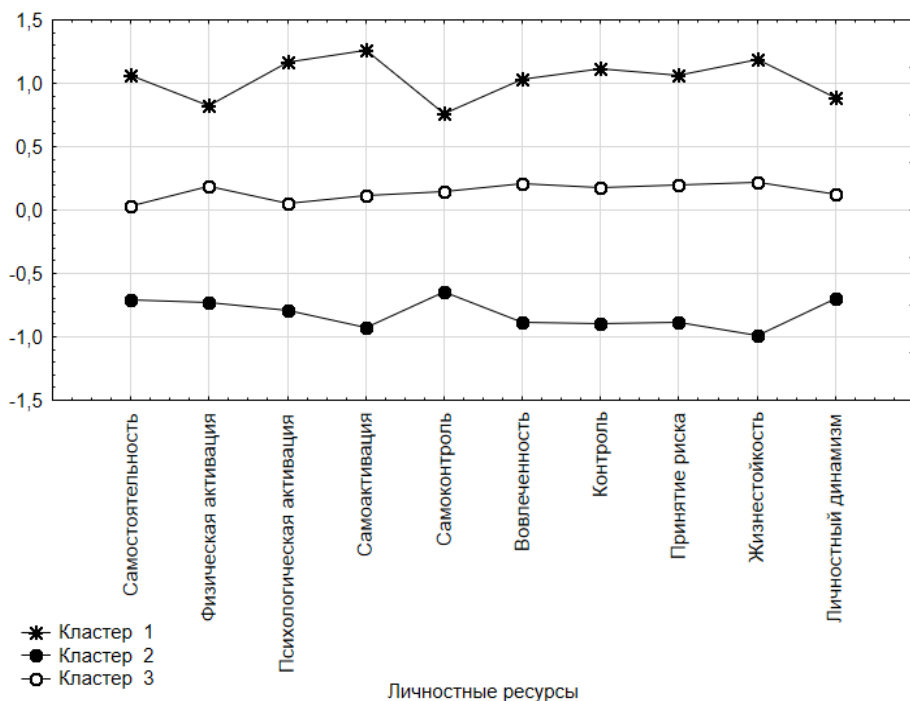

Рис. 3. Результаты группировки всех респондентов по всем личностным ресурсам (кластерный анализ, метод k -средних)

Статистический анализ показывает, что выделенные кластеры эквивалентны по полу ($\chi^2 = 0,5$; $p = \text{н.з.}$), а различия по стране проживания (табл. 2) оказались статистически значимыми ($\chi^2 = 13,6$; $p = 0,001$). Лог-линейный анализ, проведенный дополнительно для проверки существования возможного взаимодействия между переменными «Страна проживания», «Пол» и «Уровень проявления личностных ресурсов» показал, что модель, в кото-

рой переменные «Страна проживания» и «Уровень проявления личностных ресурсов» не зависят от переменной «Пол», но являются взаимосвязанными, и эта взаимосвязь одинакова и для юношей, и для девушек, является наилучшей ($\chi^2 = 2,1$; $p = \text{н.з.}$). Следовательно, общий уровень выраженности личностных ресурсов зависит от страны проживания, и эта закономерность характерна как для юношей, так и для девушек. Оказалось, что среди молодежи из Беларуси почти половина попала в группу с низким уровнем личностных ресурсов (46%), а среди молодежи из России таких респондентов менее трети (27%; см. табл. 2). В российской выборке треть респондентов (33%) имеют высокий уровень выраженности личностных ресурсов, а в белорусской выборке таких только 13%.

Таблица 2

Количество респондентов с разной степенью проявления личностных ресурсов в зависимости от страны проживания (Беларусь и Россия)

Уровень выраженности личностных ресурсов	Беларусь		Россия		Всего, N
	%	N	%	N	
Высокий	13,4	14	33,3	34	48
Средний	40,4	42	39,2	40	76
Низкий	46,2	48	27,5	28	82
Всего		104		102	206

Для выделения структуры личностных ресурсов использовался метод многомерного шкалирования, для которого сначала строилась матрица сходства между личностными ресурсами (Евклидова метрика). Результаты анализа показали, что такие личностные ресурсы, как контроль, вовлеченность, принятие риска, психологическая активация и самостоятельность и в одной, и в другой выборках соотносятся между собой и образуют единую группу (рис. 4). При этом несколько обособленное место занимает физическая активация. У россиян жизнестойкость взаимосвязана с личностным динамизмом, а у белорусов жизнестойкость изолирована от остальных личностных ресурсов, в то время как личностный динамизм соотносится с самоактивацией. Самоактивация россиян тесно связана с самоконтролем, а у белорусов самоконтроль занимает промежуточное положение между жизнестойкостью и группой, в которую входят личностный динамизм и самоактивация.

Таким образом, молодые люди из Беларуси и России в условиях транзитивного общества являются носителями личностных ресурсов, которые образуют разную структуру. Структура личностных ресурсов россиян состоит из четырех основных компонентов:

1. Резильентность, которая включает личностный динамизм и жизнестойкость.
2. Самоактивация, включающая самоконтроль.
3. Самостоятельность, охватывающая множество ресурсов: контроль, принятие риска, вовлеченность, психологическую активацию.
4. Физическая активация.

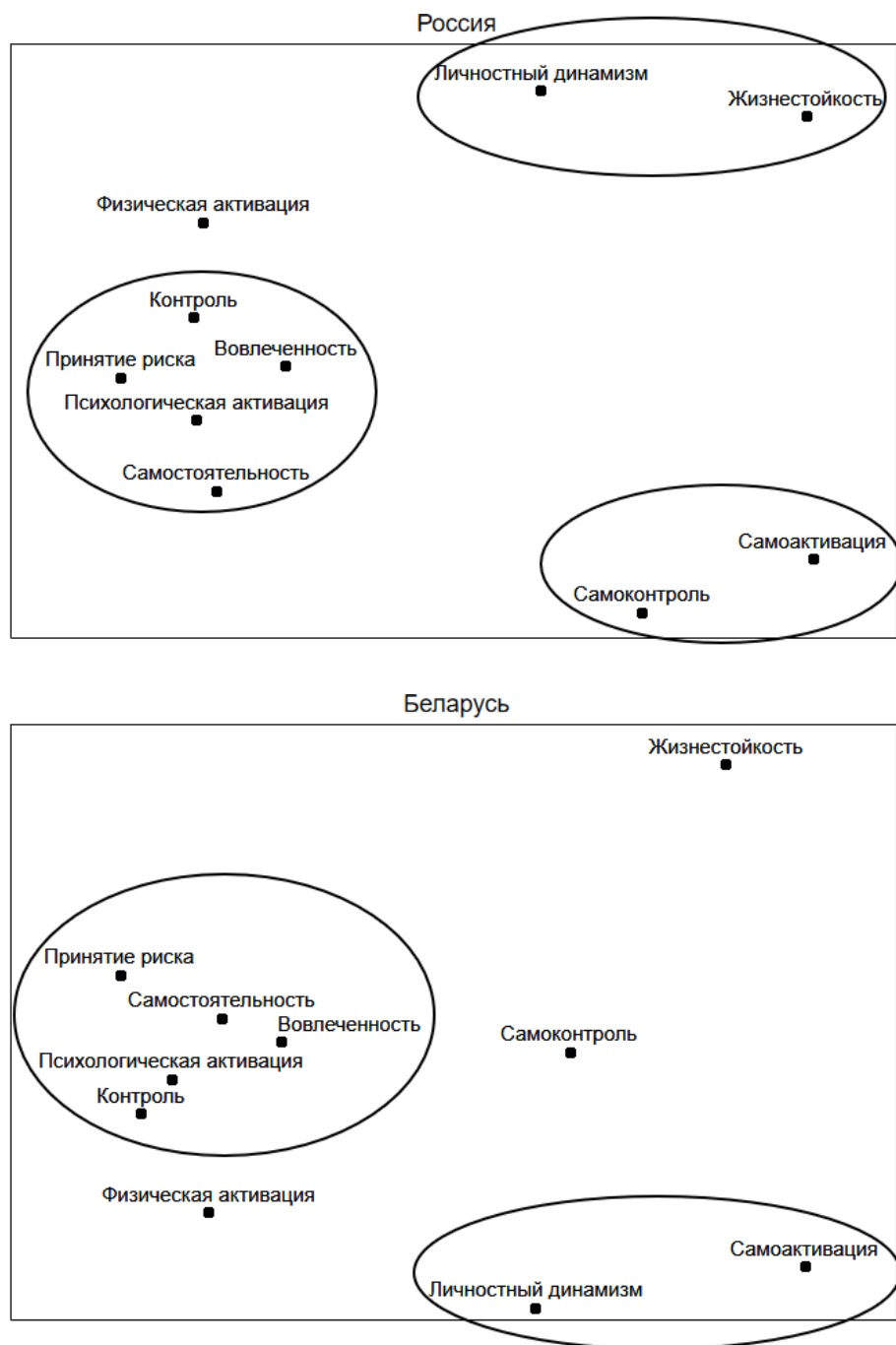

Рис.4. Двухфакторная структура личностных ресурсов для выборки респондентов из России и Беларуси (по результатам многомерного шкалирования)

Структура личностных ресурсов белорусов включает пять основных компонентов, большинство из которых автономны:

1. Жизнестойкость.
2. Самоконтроль.
3. Самоактивация, включающая личностный динамизм.
4. Самостоятельность (контроль, принятие риска, вовлеченность, психологическая активация).
5. Физическая активация.

Несколько обособленно в структуре личностных ресурсов россиян и белорусов стоит физическая активация как оптимальное сочетание эмоциональных и функциональных состояний молодежи, а объединяющим ресурсом становится самостоятельность.

Обсуждение

Результаты сравнения показывают, что у россиян самоактивация, жизнестойкость, самоконтроль и личностный динамизм более выражены, чем у белорусов (см. табл. 1). Для российских девушек в большей степени, чем для белорусских, характерны инициативность, мотивация к достижениям, вовлеченность, физическая активность. Наиболее выраженным среди личностных ресурсов оказался самоконтроль, который способствует регулированию импульсивных желаний. Российские девушки более уверены в себе и в своих способностях добиваться труднодостижимых целей, что значительно повышает общий уровень их жизнестойкости. Вместе с тем и белорусские, и российские девушки самостоятельны, заинтересованы происходящим, открыты новому опыту, воспринимают его как вызов, испытание, готовы к изменениям и преобразованию себя, что способствует повышению их личностного потенциала. Предприимчивость и инициативность, стремление к достижению целей, совладание со своими импульсивными побуждениями, уверенность в достижении целей и жизнестойкость в большей степени характерна для российских юношей. Ресурсами белорусских юношей могут стать самостоятельность, интерес к миру и жизни, личностная и физическая активность, принятие ситуаций вызова в качестве опыта, стремление к развитию и преобразованию себя и окружающей действительности.

Полученные результаты согласуются с результатами исследования Ю.В. Бражник и В.В. Гриценко [15], в котором изучались социальные представления русских и белорусских студентов о мужских ролях. Результаты их исследования свидетельствуют о разных ментальных особенностях российской и белорусской культур. Так, Ю.В. Бражник и В.В. Гриценко отмечают, что российские студенты наделяют мужчину различными динамическими характеристиками: предприимчивый, смелый, активный, в то время как для белорусских студентов важны морально-нравственные и эмоциональные характеристики: заботливый, добрый, нежный.

В условиях транзитивного общества важно понимание, что успешное функционирование личности возможно только на основе гибкого, творче-

ского конструирования себя и мира, следовательно, личностный динамизм является одной из важнейших характеристик, способствующих преодолению транзитивности. Противоположными личностными характеристиками являются осторожность, боязнь радикальных изменений, потребность в ясности и четкости, в правилах и стандартах, которые хотя бы как-то регулируют взаимоотношения в социуме. В нашем исследовании было обнаружено, что молодые россияне более толерантны к ситуации транзитивности, без труда принимают рискованные решения, стремятся приобрести новый опыт, в отличие от белорусов, которые чаще испытывают дискомфорт при любых изменениях (см. табл. 1). В исследовании Н.Ф. Денисовой, И.В. Лашук и О.Н. Мицкевич [28] показано, что одной из фундаментальных ценностей белорусской молодежи, как и населения в целом, выступает ценность «порядок», что свидетельствует о большой значимости для белорусского общества стабильности, соблюдения законов и норм. В исследовании В.В. Кириенко [8] также установлено, что белорусы оценили сами себя как более законопослушных, уважающих традиции, осторожных, неспешных, в отличие от оценок характера россиян, у которых, по мнению белорусов, ярко выражено стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям.

Жизнестойкость молодых россиян также оказалась значительно выше жизнестойкости белорусов (см. табл. 1). Среди показателей жизнестойкости в нашей выборке наибольшие различия получены по характеристике контроля (см. рис. 2, б). Это свидетельствует о том, что молодые россияне, в отличие от белорусов, более уверены в своем будущем, охотно воплощают новые идеи, а неудачное прошлое воспринимают как опыт. Полученные нами данные неполностью согласуются с данными, полученными Н.О. Леоненко и А.М. Паньковой [10]. В этом исследовании не обнаружено статистически значимых различий по общему показателю жизнестойкости у белорусов и россиян, но существенные различия наблюдаются по шкале контроля, как и в нашем случае, причем показатели российской выборки значительно выше. Общий уровень жизнестойкости также оказался выше в российской выборке по сравнению с белорусской, однако сравнение показателей с нашими данными невозможно, потому что использовался другой вариант методики жизнестойкости в редакции Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой [29]. Тем не менее полученные нами данные в некоторой степени подтверждаются исследованиями Г.А. Фомченковой, где показано, что новое поколение россиян с оптимизмом смотрит в будущее, уверено в получении хорошего образования, престижной работы, материального достатка, чаще переживает эмоциональный подъем и позитивные чувства в отличие от последнего советского поколения, которое более тревожно, безразлично и апатично [30]. Исследования показывают, что направленность на будущее обуславливает выбор наиболее адаптивных стратегий совладания [31].

Таким образом, полученные нами данные качественно согласуются с многими исследованиями различных личностных характеристик, так или иначе связанных с личностными ресурсами. Тем не менее исследований

в данной области недостаточно для проведения метаанализа, который позволил бы выявить общие закономерности.

Результаты обобщенного анализа по всем методикам (см. табл. 2) показывают, что россияне распределились более равномерно по группам с разным уровнем выраженности личностных ресурсов, в отличие от белорусов, большинство которых оказалось в группах с низким и средним уровнем. Однако однозначно утверждать, что российская молодежь в большей степени готова к трудностям, в отличие от белорусской, преждевременно. Вероятно, существует некий скрытый, неявно выраженный ресурс белорусской молодежи, который, как известно, «всплывает на поверхность» только в трудных жизненных ситуациях. Например, в исследовании белорусских ученых Л.А. Пергаменщика и Н.В. Новак [32] показано, что кризисные события не только не ограничивают возможности, а наоборот, становятся источником конструктивной активности человека.

Известно, что белорусское общество, в отличие от российского, на сегодняшний день более стабильно и консервативно, в нем прочно укоренились патерналистские установки. При этом развитие белорусского общества происходит в условиях двойного патернализма: патернализма внутри страны (роль опекающего «батьки») и патернализма со стороны более сильной, надежной и мощной «страны-донора», которой является Россия. Споры между сторонниками и противниками патернализма в философии, социологии и психологии не утихают [33, 34], однако они слабо подкрепляются эмпирическими данными. В единичных исследованиях [34] показано, что чем выше патерналистские установки, тем ниже потребности в самореализации и активности. Кроме того, показано, что у людей старшего возраста установки на патернализм выражены в большей степени, чем у молодежи. Подчеркивается, что установки старшего поколения формировались во времена советской власти, воплощавшей в себе черты строгого, справедливого и заботливого покровителя (что, впрочем, сохранилось в Беларуси), в то время как установки молодежи обусловлены современной действительностью, требующей проявлений самостоятельности, инициативы и ответственности.

Анализ структуры личностных ресурсов (см. рис. 4) показывает, что различия присутствуют не только в степени их выраженности у молодых белорусов и россиян, но и во внутренней согласованности. Для россиян близким к жизнестойкости становится понятие личностного динамизма, что предполагает не только устойчивость к трудностям и конструктивное их преодоление, но и способность «гнуться, но не ломаться», гибкость в преодолении, изворотливость, способность самому меняться, быстро лавировать в среде, наполненной бесконечными изменениями. У российской молодежи самоактивация связана с самоконтролем, что позволяет эффективно использовать регуляцию своих импульсных побуждений для конструктивного совладания с трудными ситуациями. У белорусов же самоактивация, наоборот, связана с личностным динамизмом, и это приводит к предположению, что белорусская молодежь видит основу самоактивации

в готовности к изменениям, стремлении к преобразованию и развитию в первую очередь себя, но не окружающей действительности.

Сходство полученных структур (см. рис. 4) обнаруживается в выделении таких элементов, как самостоятельность и физическая активация. Возможно, это связано с возрастной спецификой участников исследования. Очевидно, что все молодые люди тяготеют к самостоятельности и независимости, энергичны и физически выносливы. Именно в такой молодежи нуждаются молодые независимые государства: Россия и Беларусь, период независимости которых значительно моложе их граждан. Транзитивность как средовой фактор, с одной стороны, продуцирует самостоятельность, с другой – может оказать тормозящее влияние на нее. Тем не менее человек не может являться лишь пассивным наблюдателем за происходящим или реактивным существом, автоматически реагирующим на внешний мир. Транзитивность требует приложения усилий, самостоятельности, что препятствует давлению многочисленных и противоречивых требований среды. Самостоятельность как умение соотносить объективную заданность с собственными возможностями, умение реализовать свои возможности в современной среде, предоставляющей бесконечное множество возможностей, становится едва ли не ключевым ресурсом белорусской и российской молодежи в мире транзитивности.

Выводы

Жизнестойкость, самоактивация, самоконтроль, личностный динамизм в большей степени развиты у российской молодежи. Молодые россияне легче принимают рискованные решения, стремятся к приобретению нового опыта, в отличие от белорусов, которые более осторожны и чаще испытывают дискомфорт в условиях транзитивности.

Личностные ресурсы российской и белорусской молодежи структурируются по-разному, однако можно отметить сходство в выделении таких компонентов, как самостоятельность и физическая активация. Если физическая активация выделяется в обособленный ресурс и в одной, и в другой выборке, то самостоятельность имеет разное наполнение. Жизнестойкость россиян согласуется с личностным динамизмом, самоактивация – с самоконтролем, самостоятельность как одна из характеристик самоактивации соотносится с принятием риска, вовлеченностью, психологической активацией и контролем. В структуре личностных ресурсов молодых белорусов выделяются жизнестойкость, самоконтроль, самоактивация, связанная с личностным динамизмом, самостоятельность, соотносящаяся с контролем, принятием риска, вовлеченностью и психологической активацией.

Вместе с тем исследование показало, что в условиях транзитивности ключевым ресурсом молодежи России и Беларуси могут стать физическая активация и самостоятельность как компоненты самоактивации, способствующие реализации возможностей в современной среде бесконечных возможностей.

Таким образом, результаты исследования показывают, что личностные ресурсы оказались гибкой и динамичной системой, которая может существенно меняться в зависимости от культурно-исторических условий. Важно понимание, стремимся мы оставаться в старом прошлом, пусть и относительно комфортном, или готовы к неизбежным изменениям культурно-исторических условий.

Перспективой данного исследования становится сравнительный анализ личностных ресурсов белорусов и россиян в новых условиях на фоне изменения политической жизни в Беларуси и пандемии, которая охватила весь мир и стала одним из индикаторов транзитивности.

Литература

1. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Прimitив. Ребенок. М. : Педагогика-Пресс, 1993. 224 с.
2. Собкин В.С., Климова Т.А. Лев Выготский: кто мы, откуда и куда? (К вопросу о национально-религиозной идентичности) // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14, № 1. С. 116–125. DOI: 10.17759/chp.2018140113.
3. Дубовская Е.М. Транзитивность общества как фактор социализации личности // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1018> (дата обращения: 23.02.2020).
4. Марцинковская Т.Д., Юрченко Н.И. Проблема совладания в транзитивном обществе // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 49. URL: <http://psystudy.ru/num/2016v9n49/1332> (дата обращения: 23.02.2020).
5. Мариютина Т.М. Индивидуальная адаптируемость в транзитивном обществе // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 57. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n57/1526-marutina57.html> (дата обращения: 23.02.2020).
6. Одинцова М.А., Семенова Е.М. Преодолевающие стратегии поведения белорусов и россиян // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. С. 82–89.
7. Кириенко В.В. Интеграционные процесс в восточнославянском приграничье: ментальные основы // Российско-белорусское приграничье: двадцать лет перемен. Смоленск : Универсум, 2012. С. 219–252.
8. Кириенко В.В. Белорусское студенчество в ментальном измерении // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы IX Междунар. науч. конф., Гомель, 21–22 мая 2015 г. Гомель : ГГТУ им. П.О. Сухого, 2015. С. 22–30.
9. Латова Н.В. Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда) // Вестник социологии. 2016. № 4. С. 156–179. DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.433.
10. Леоненко Н.О., Панькова А.М. Этнопсихологические особенности и условия развития жизнестойкости студентов : учеб. пособие. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2015. 173 с.
11. Лемешенко П.С., Сидорова А.М. Неформальные институты и рыночная реформа в Беларуси: эволюция, противоречия, стратегия. Минск : Мисанта, 2013. 99 с.
12. Машарская О.С. Сравнительный анализ представлений российских, американских и белорусских студентов о благополучии // Вестник Псковского университета. Сер. Психолого-педагогические науки. 2016. № 4. С. 147–151.
13. Машарская О.С. Культурно-ценностные ориентации студентов разных национальностей // Среднее профессиональное образование. 2011. № 4. С. 60–62.
14. Гриценко В.В. Кухтова Н.В. Сравнительная характеристика универсальных и культурно-специфических особенностей и просоциальных тенденций белорусов, про-

- живающих на территории своего этноса и за его пределами // Вестник Вітебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2014. № 3 (81). С. 87–94.
15. Бражник Ю.В. Гриценко В.В. Социальные представления русских и белорусов о мужских ролях в зависимости от связи с психологическими измерениями культуры // Современные исследования социальных проблем : электрон. науч. журнал. 2012. № 2 (10). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17854803> (дата обращения: 23.02.2020).
 16. Сидорова А.М. Влияние неформальных институтов на выбор вектора внешнего развития республики Беларусь // Экономическая наука сегодня. 2016. № 4. С. 287–299.
 17. Егоров А.Г., Сухова Е.Е. Трансформация смыслообразующих доминант ценностных ориентаций российских и белорусских студентов // Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья : материалы междунар. науч.-практ. заочной конф. Витебск : Витебский гос. ун-т им. П.М. Машиерова, 2017. С. 72–74.
 18. Гриценко В.В., Ковалева Ю.В. Связь ценностей культуры с нормами и типами просоциального поведения русских и белорусов // Психологический журнал. 2014. Т. 35, № 4. С. 56–67.
 19. Чернобровкина Н.Ю. Структурная организация мотивационной сферы белорусской и российской молодежи // Психология и психотехника. 2012. № 3 (42). С. 54–58.
 20. Филинская Л.В., Морозов С.А. Идентификационные стратегии белорусской молодежи и инклюзивная культура: векторы и точки пересечения (социологические заметки) // Социология. 2016. № 2. С. 45–56.
 21. Зернов Д.В., Иудин А.А., Овсянников А.А. Молодежь на обломках СССР (1991–2013) // Наука и школа. 2015. № 2. С. 121–138.
 22. Овсянников А.А. Новое поколение: долгая дорога в поисках новых идеалов и смыслов жизни // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 1 (09). С. 78–97.
 23. Сапронов Д.В., Леонтьев Д.А. Личностный динамизм и его диагностика // Психологическая диагностика. 2007. № 1. С. 66–84.
 24. Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Сучков Д.Д., Иванова Т.Ю., Сычев О.А., Бобров В.В. Самоконтроль как ресурс личности: диагностика и связь с успешностью, настойчивостью и благополучием // Культурно-историческая психология. 2016. № 12 (2). С. 46–58. DOI: 10.17759/chp.2016120205.
 25. Осин Е.Н., Рассказова Е.И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2013. № 2. С. 147–165.
 26. Радчикова Н.П., Одинцова М.А., Козырева Н.В. Методика самоактивации личности: адаптация на белорусской выборке // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Е. 2017. № 15. С. 77–82.
 27. Одинцова М.А., Радчикова Н.П. Разработка методики самоактивации личности // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 58. URL: <http://psystudy.ru/index.php/nim/2018v11n58/1558-odintsova58.html> (дата обращения: 23.02.2020).
 28. Денисова Н.Ф., Лашук И.В., Мицкевич О.Н. Базовые ценности белорусского общества: функционально-ориентирующие кластеры и вариативность ценностных структур // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 4 (140). С. 37–53. DOI: 10.14515/monitoring. 2017.4.04.
 29. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М. : Смысл, 2006. 63 с.
 30. Фомченкова Г.А. Институционализация безопасности молодежи в условиях трансформации российского общества : дис. ... д-ра социол. наук. СПб., 2014. 410 с.
 31. Болотова А.К., Хачатурова М.Р. Человек и время в ситуациях выбора совладающего поведения // Культурно-историческая психология. 2012. № 1. С. 69–76.
 32. Пергаменщик Л.А., Новак Н.Н. Социально-психологические условия психологического благополучия личности, пережившей кризисное событие // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6, № 4. С. 161–169.

33. Белинская Е.П., Литвина С.А., Муравьева О.И., Стефаненко Т.Г. Тихомандрицкая О.А. Политическая культура: установки на патернализм в ментальности россиян // Сибирский психологический журнал. 2004. № 20. С. 63–70.
34. Литвина С.А., Муравьева О.И. Установки на патернализм по отношению к политической власти и их взаимосвязи с ценностями в ментальности россиян // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей. М. : Ин-т психологии РАН, 2008. С. 298–313.

Поступила в редакцию 27.02.2020 г.; повторно 17.11.2020 г.;
принята 23.11.2020 г.

Одинцова Мария Антоновна – кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения факультета дистанционного обучения Московского государственного психолого-педагогического университета.
E-mail: mari505@mail.ru

Радчикова Наталья Павловна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры возрастной психологии факультета дошкольной педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета, ведущий научный сотрудник Научно-практического центра по комплексному сопровождению психологических исследований PsyDATA Московского государственного психолого-педагогического университета.
E-mail: nataly.radchikova@gmail.com

Козырева Нина Вячеславовна – преподаватель кафедры психологии образования Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка.
E-mail: kozyreva_nina@tut.by

For citation: Odintsova, M.A., Radchikova, N.P., Kozyreva, N.V. Hardiness and Self-activation of Russian and Belarusian Youth in Transitive Society. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2021; 79: 168–188. doi: 10.17223/17267080/79/10. In Russian. English Summary

Hardiness and Self-activation of Russian and Belarusian Youth in Transitive Society

M.A. Odintsova^a, N.P. Radchikova^{a, b}, N.V. Kozyreva^c

^a Moscow State University of Psychology and Education, 29, Sretenka Str., Moscow, 127051, Russian Federation

^b Moscow Pedagogical State University, 1/1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russian Federation

^c Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, 18, Sovetskaya Str., Minsk, 220030, Belarus

Abstract

The article presents research data on the personal resources of young people from Belarus and Russia, who grew up in new cultural and historical conditions after the collapse of the Soviet Union. The study involved 206 participants, 104 of them from Minsk and 102 from Moscow aged from 17 to 26 years. The groups did not differ by gender and age, and no age differences were found between the representatives of the female and male samples. The age range corresponds to the period of the autonomous development of two countries: Russia and Belarus (from 1991 to the present) and is considered sensitive for the formation of macro-social identity in modern conditions. Personal resources include self-activation for studying independence, physical and psychological activation; hardiness for studying commitment,

control, and challenge; personal dynamism for studying a person's readiness for changes, aspirations for transformation and creating new relations with the world; self-control for studying personal and motivational resources to regulate impulsive desires. The analysis of the similarities and differences in the manifestation of the personal resources of Belarusians and Russians showed that young Belarusians have a lower level of all personal resources in contrast to Russians. To study and to compare the structures of personal resources, we used cluster analysis (k-means method) and multidimensional scaling. The results of statistical analysis demonstrate that hardiness is distinguished in the structure of personal resources of young Belarusians; self-control and self-activation are associated with personal dynamism; independence is related to self-control, risk taking, involvement and psychological activation. In the structure of personal resources of young Russians, the hardiness is consistent with personal dynamism; self-activation is related to self-control; independence as one of the characteristics of self-activation is connected with risk acceptance, involvement, psychological activation and control. The similarity of both structures is found in the allocation of such components as independence and physical activation (characteristics of self-activation). These characteristics as components of self-activation that contribute to the realization of opportunities in a modern environment can become key features for the youth of Russia and Belarus. Thus, we can conclude that personal resources are a flexible and dynamic system that can vary significantly depending on cultural and historical conditions. The transitivity of modern world is becoming not only an external, but also an internal, psychological problem, and requires the activation of many personal resources of youth, among which the key resources are hardiness and self-activation. The prospects for this research are the study of hardiness, self-activation and other personal resources of different generations of Belarusians and Russians.

Keywords: transitivity; hardiness; self-activation; youth; Belarusians; Russians.

References

1. Vygotsky, L.S. & Luriya, A.R. (1993) *Etyudy po istorii povedeniya: Obez'yana. Primitiv. Rebenok* [Behavioral History Studies: Monkey. Primitive. Child]. Moscow: Pedagogika-Press.
2. Sobkin, V.S. & Klimova, T.A. (2018) Lev Vygotsky: Who Are We? Where Do We Come From and Where Are We Heading For? (On the Question of National and Religious Identity). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*. 14(1). pp. 116–125. (In Russian). DOI: 10.17759/chp.2018140113
3. Dubovskaya, E.M. (2014) Transitive society as a factor of personality socialization. *Psikhologicheskie issledovaniya – Psychological Studies*. 7(36). (In Russian). [Online] Available from: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1018> (Accessed: 23rd February 2020).
4. Martsinkovskaya, T.D. & Yurchenko, N.I. (2016) Coping strategies in transitive society. *Psikhologicheskie issledovaniya – Psychological Studies*. 9(49). (In Russian). [Online] Available from: <http://psystudy.ru/num/2016v9n49/1332> (Accessed: 23rd February 2020).
5. Mariyutina, T.M. (2018) Individual adaptability in a transitive society. *Psikhologicheskie issledovaniya – Psychological Studies*. 11(57). (In Russian). [Online] Available from: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n57/1526-marutina57.html> (Accessed: 23rd February 2020).
6. Odintsova, M.A. & Semenova, E.M. (2011) Coping strategies in Byelorussians and Russians. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*. 3. pp. 82–89. (In Russian).
7. Kirienko, V.V. (2012) Integratsionnye protsess v vostochnoslavlyanskom prigranich'e: mental'nye osnovy [Integration process in the East Slavic border area: mental foundations]. In: Katrovsky, A.P. (ed.) *Rossiysko-belorusskoe prigranich'e: dvadtsat' let peremen* [Russian-Belarusian border area: twenty years of change]. Smolensk: Universum. pp. 219–252.

8. Kirienko, V.V. (2015) Belorusskoe studenchestvo v mental'nom izmerenii [Belarusian students in the mental dimension]. *Mentalitet slavyan i integratsionnye protsessy: istoriya, sovremennost', perspektivy* [Mentality of the Slavs and Integration Processes: History, Modernity, Prospects]. Proc. of the Ninth International Conference. Gomel, May 21–22, 2015. Gomel: Gomel State Technical University. pp. 22–30.
9. Latova, N.V. (2016) Russians' Cultural Specificity (An Ethnometrical Analysis Based on Geert Hofstede's Concept). *Vestnik sotsiologii – Bulletin of the Institute of Sociology*. 4. pp. 156–179. (In Russian). DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.433
10. Leonenko, N.O. & Pankova, A.M. (2015) *Etnopsikhologicheskie osobennosti i usloviya razvitiya zhiznestoykosti studentov* [Ethnopsychological features and conditions for the development of students' vitality]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
11. Lemeschenko, P.S. & Sidorova, A.M. (2013) *Neformal'nye instituty i rynochnaya reforma v Belarusi: evolyutsiya, protivorechiya, strategiya* [Informal Institutions and Market Reform in Belarus: Evolution, Contradictions, Strategy]. Minsk: Misanta.
12. Masharskaya, O.S. (2016) Sravnitel'nyy analiz predstavleniy rossiyskikh, amerikanskikh i belorusskikh studentov o blagopoluchii [Comparative analysis of the views of Russian, American and Belarusian students about well-being]. *Vestnik Pskovskogo universiteta. Ser. Psikhologo-pedagogicheskie nauki*. 4. pp. 147–151.
13. Masharskaya, O.S. (2011) Kul'turno-tsennostnye orientatsii studentov raznykh natsional'nostey [Cultural and value orientations of students of different nationalities]. *Srednee professional'noe obrazovanie – The Journal of Secondary Vocational Education*. 4. pp. 60–62.
14. Gritsenko, V.V. & Kukhtova, N.V. (2014) Sravnitel'naya kharakteristika universal'nykh i kul'turno-spetsificheskikh osobennostey i prosotsial'nykh tendentsiy belorusov, prozhivayushchikh na territorii svoego etnosa i za ego predelami [Comparative characteristics of the universal and cultural-specific features and pro-social tendencies of Belarusians living on the territory of their ethnic group and beyond]. *Vestnik Vitebskaya dzyarzhunaga universiteta*. 3(81). pp. 87–94.
15. Brazhnik, Yu.V. & Gritsenko, V.V. (2012) Sotsial'nye predstavleniya russkikh i belorusov o muzhskikh rolyakh v zavisimosti ot svyazi s psikhologicheskimi izmereniyami kul'tury [Social views of Russians and Belarusians on male roles depending on the relationship with the psychological dimensions of culture]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem – Modern Studies of Social Issues*. 2(10). [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17854803> (Accessed: 23rd February 2020).
16. Sidorova, A.M. (2016) Vliyaniye neformal'nykh institutov na vybor vektora vneshnego razvitiya respubliki Belarus' [Influence of informal institutions on the choice of the vector of external development of the Republic of Belarus]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. 4. pp. 287–299.
17. Egorov, A.G. & Sukhova, E.E. (2017) Transformatsiya smysloobrazuyushchikh dominant tsennostnykh orientatsiy rossiyskikh i belorusskikh studentov [Transformation of the semantic dominants of the value orientations of Russian and Belarusian students]. *Tsennostnye orientatsii i istoricheskoe soznanie naseleniya belorussko-rossiyskogo prigranich'ya* [Value Orientations and Historical Consciousness of the Population of the Belarusian-Russian Borderlands]. Proc. of the International Conference. Vitebsk: Vitebsk State University. pp. 72–74.
18. Gritsenko, V.V. & Kovaleva, Yu.V. (2014) Svyaz' tsennostey kul'tury s normami i tipami prosotsial'nogo povedeniya russkikh i belorusov [Relationship between cultural values and norms and types of pro-social behavior of Russians and Belarusians]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 35(4). pp. 56–67.
19. Chernobrovkina, N.Yu. (2012) The Structure of Motivation Sphere of Byelorussian and Russian Youth. *Psikhologiya i psikhotehnika – Psychology and Psychotechnics*. 3(42). pp. 54–58. (In Russian).
20. Filinskaya, L.V. & Morozov, S.A. (2016) Identifikatsionnye strategii belorusskoy molodezhi i inklyuzivnaya kul'tura: vektory i tochki peresecheniya (sotsiologicheskie

- zametki) [Identification strategies of Belarusian youth and inclusive culture: vectors and intersection points (sociological notes)]. *Sotsiologiya*. 2. pp. 45–56.
21. Zernov, D.V., Iudin, A.A. & Ovsyanikov, A.A. (2015) The youth on the ruins of the USSR (1991–2013). *Nauka i shkola - Science and School*. 2. pp. 121–138. (In Russian).
22. Ovsyanikov, A.A. (2015) The New Generation: Long Road in Search of New Ideals and the Meaning of Life. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika – Sociological Science and Social Practice*. 1(09). pp. 78–97. (In Russian).
23. Sapronov, D.V. & Leontiev, D.A. (2007) Lichnostnyy dinamizm i ego diagnostika [Personal dynamism and its diagnostics]. *Psikhologicheskaya diagnostika*. 1. pp. 66–84.
24. Gordeeva, T.O., Osin, E.N., Suchkov, D.D., Ivanova, T.Yu., Sychev, O.A. & Bobrov, V.V. (2016) Self-Control as a Personality Resource: Assessment and Associations with Performance, Persistence and Well-Being. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*. 12(2). pp. 46–58. (In Russian). DOI: 10.17759/chp.2016120205
25. Osin, E.N. & Rasskazova, E.I. (2013) A short version of the Hardiness Test: Psychometric properties and organizational application. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya – The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*. 2. pp. 147–165. (In Russian).
26. Radchikova, N.P., Odintsova, M.A. & Kozyreva, N.V. (2017) Personal self-activation inventory: standardization on Belarusian sample. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. E. – Vestnik of Polotsk State University. Series E*. 15. pp. 77–82. (In Russian).
27. Odintsova, M.A. & Radchikova, N.P. (2018) Razrabotka metodiki samoaktivatsii lichnosti [Development of a personality self-activation method]. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 11(58). [Online] Available from: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1558-odintsova58.html> (Accessed: 23rd February 2020).
28. Denisova, N.F., Lashuk, I.V. & Mitskevich, O.N. (2017) Basic values of the Belarusian society: function-oriented clusters and variability in value structures. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 4(140). pp. 37–53. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring. 2017.4.04.
29. Leontiev, D.A. & Rasskazova, E.I. (2006) *Test zhiznестойкости* [Vitality Test]. Moscow: Smysl.
30. Fomchenkova, G.A. (2014) *Institutsionalizatsiya bezopasnosti molodezhi v usloviyakh transformatsii rossiyskogo obshchestva* [Institutionalization of youth safety in the transforming Russian society]. Sociology Dr. Diss. St. Petersburg.
31. Bolotova, A.K. & Khachaturova, M.R. (2012) The Person and the Time: Choosing Coping Behaviours. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*. 1. pp. 69–76. (In Russian).
32. Pergamenshchik, L.A. & Novak, N.N. (2015) Social Psychological Conditions of Psychological Well-Being in Individuals Who Have Experienced Critical Events. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*. 6(4). pp. 161–169. (In Russian). DOI: 10.17759/sps.2015060412
33. Belinskaya, E.P., Litvina, S.A., Muraveva, O.I. & Stefanenko, T.G. & Tikhomandritskaya, O.A. (2004) Politicheskaya kul'tura: ustanovki na paternalizm v mental'nosti rossiyan [Political culture: attitudes towards paternalism in the Russian mentality]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 20. pp. 63–70.
34. Litvina, S.A. & Muravieva, O.I. (2008) Ustanovki na paternalizm po otnosheniyu k politicheskoy vlasti i ikh vzaimosvyazi s sennostyami v mental'nosti rossiyan [Attitudes towards paternalism in relation to political power and their relationship with values in the mentality of Russians]. In: Znakov, V.V. & Zalevsky, G.V. (eds) *Tsennostnye osnovaniya psikhologicheskoy nauki i psikhologiya tsennostey* [Value foundations of psychological science and psychology of values]. Moscow: Institute of Psychology RAS. pp. 298–313.

*Received 27.02.2020; Revised 17.11.2020;
Accepted 23.11.2020*

Maria A. Odintzova – Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology and Education. Cand. Sc. (Psychol.), Docent.

E-mail: Mari505@mail.ru

Nataliya P. Radchikova – Associate Professor, Department of Developmental Psychology, Faculty of Pre-School Pedagogy and Psychology, Moscow Pedagogical State University; Leading Researcher of Scientific and Practical Center for Comprehensive Support of Psychological Research «PsyDATA», Moscow State University of Psychology and Education. Cand. Sc. (Psychol.), Docent.

E-mail: nataly.radchikova@gmail.com

Nina V. Kozyreva – Teacher of the Department of Educational Psychology of the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank.

E-mail: kozyreva_nina@tut.by